

³² ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 122. Л. 71.

³³ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 6.

³⁴ ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 122. Л. 17; Д. 123. Л. 4–5, 10, 12.

³⁵ См., например: ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 117. Л. 40; Д. 121. Л. 21, 105; ТРУАК. 1887. Т. II. № 8. Рязань, 1888. С. 188; 1908–1909. Т. XXIII. № 1. Рязань, 1910. С. III–V; 1910. Т. XXIV. № 1. Рязань, 1911. С. XVII и др.

³⁶ См., например: Богданов В.В. Из истории женского южно-великорусского костюма // Этнограф. обозрение. 1914. № 1–2. С. 127–145; Городцов В.А. Этнографические заметки. I Обычаи при погребении во время эпидемий. II Опахивание деревни во время эпидемий // Этнограф. обозрение. 1897. № 3. С. 185–186; Шахматов А.А. Диалектологические материалы, собранные В.И. Тростянским, И.С. Гришкиным и др. Пг., 1916. С. 75–124 (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. XCV. № 1).

³⁷ ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 126. Л. 13.

³⁸ Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 57–59, 308–330; *его же*. Описание рукописей Ученого Архива Императорского Русского Географического общества. Пг., 1916. Вып. 3. С. 1158–1182.

³⁹ ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 126. Л. 13, 14–14 об.; Д. 127. Л. 2.

⁴⁰ Проходцов И.И. Высочайше утвержденная Рязанская ученая архивная комиссия. Обзорение пятнадцатилетней деятельности. Рязань, 1899. С. 90.

⁴¹ Празднование 800-летия (1095–1895 гг.) г. Рязани. 20–22 сентября 1895 года. Рязань, 1896. С. 4.

⁴² Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (далее – НАРИАМЗ). Д. 43. Л. 1–2.

⁴³ ТРУАК. 1890. Т. V. № 6. Рязань, 1891. С. 104; НАРИАМЗ. Д. 60. Л. 9. Опись экспонатов, поступивших из коллекции А.Т. Бахрушина см.: Селиванов А.В. Краткий каталог Рязанского музея. I. Отдел археологический. Рязань, 1889. С. 20–21.

⁴⁴ ТРУАК. 1897. Т. XII. № 3. Рязань, 1898. С. XXXIX; НАРИАМЗ. Д. 25. Л. 13.

⁴⁵ НАРИАМЗ. Д. 25. Л. 12–12 об., 29.

⁴⁶ Утверждение О.С. Тянь о проведении РУАК под руководством А.И. Черепнина этнографических исследований края следует отнести к области историографических мифов (см.: Тянь О.С. Историки и общественные деятели Рязанской губернии XIX–XX веков // Общественная мысль и политические деятели России XIX и XX веков. (Матер. науч. конф. 16–17 апреля 1996 г.). Смоленск. 1996. С. 134.)

⁴⁷ ГАРО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об. – 6, 15–16 об.

© 1998 г., ЭО, № 3

ХIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО БАЛКАНСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ

Симпозиум, устраиваемый в Охриде раз в три года в одно и то же время – 7–8 июля, объединяет специалистов по фольклору народов балканского ареала. Место для симпозиума избрано далеко не случайно: «Своей примерной просветительско-славянской деятельностью и высокой добродетельностью славянские просветители Климент и Наум Охридские, чьи светлые гробницы хранят их останки у самых берегов прекрасного Охридского озера, оставались в памяти народной, в народной традиции. О них созданы многочисленные народные предания, которые в легендарной форме отражают их благородную деятельность на македонской земле... Особенно очевидно это в тех народных преданиях, которые создавались в Охриде и окрестностях его»¹. Наряду с учеными балканских и прибалканских стран симпозиум привлекает славистов разных стран Европы и Америки.

Тема ХIII симпозиума (7–8 июля 1997 г.) – «Верования в фольклоре балканских народов». Работа велась в четырех секциях: «Народная словесность», «Этнология», «Народное искусство», «Этномузыкалогия».

Как и следовало ожидать, самой крупной оказалась секция «Народная словесность». Открылась она докладом известного македонского ученого Т о м е С а з д о в а (Скопье) «Верования как классификационная проблема». Устная народная поэзия и проза рассматривались в докладах с разных сторон и в

разных аспектах: сравнительный анализ религиозных мотивов средневековой литературы и македонского народного творчества; отражение реликтовых явлений протославянской древности в южнославянской эпической традиции; значимость мифологии в славянской духовной культуре; образы мифологических персонажей и демонических образов в македонской фольклорной традиции; сравнительно-исторические и структурно-типологические параллели эпических мотивов славяно-балканского ареала; семиотическая интерпретация образов христианских святых; семантика обрядовых песнопений; мифологемы в современном искусстве поствизантийского пространства; параллели процессов фольклоризации в иконографии и стилистике украинского и балканского литургического шитья на фоне искусства балканских стран.

В рамках рассматриваемой проблематики была выделена подсеция, открывшаяся докладом крупного специалиста в области исследования разных жанров македонского фольклора, соотношения церковных установлений с народными обычаями М. К и т е с к о г о (Скопье) «Верования за Марко Крале». В последующих докладах рассматривались сравнительно-исторические параллели верований и преданий, представления о магической силе слова, выражение верований в загробную жизнь в разных фольклорных жанрах, отражение народных верований в обрядовых песнях, пословицах, поговорках и т.п.

В секции этнологии, открывшейся под председательством Г. П а л и к р у ш е в о й (она являлась президентом нескольких прошлых симпозиумов), внимание сосредоточилось на теоретических вопросах, таких, как: верования – объект этнологических изысканий, соотношение народных верований с церковными религиозно-нравственными установлениями; рудименты архаических религиозных мотивов в традиционных ритуальных действиях. Результаты конкретных исследований излагались в разных аспектах: верования, связанные с христианскими святынями и образами святых, представления об «ином мире», их генезис и трансформация; поверья, связанные со сверхъестественными существами – демонами, ведьмами, вампирами, амалиями, духами умерших и т.п., а также поверья о животных и птицах; верования и культовые действия, связанные с хозяйственными занятиями – земледелием, скотоводством, ремеслами. Не были обойдены вниманием и вопросы сравнительного изучения шаманизма, образов дровишей, магической силы заговоров, заклятий, гаданий, целительного воздействия трав, камней, деревьев у разных балканских народов.

Секция «Народное искусство» работала под председательством Н.Н. В е л е ц к о й (Москва) и открылась ее докладом «О формах и сущности синтеза христианских и языческих воззрений в славяно-балканской фольклорной традиции», где речь шла об отражении благотворного воздействия христианского религиозно-нравственного начала в истории традиции. Проблема отражения верований в народном искусстве рассматривалась докладчиками в разных аспектах: соотношение библейских мифологических мотивов с явлениями традиционного искусства; аналогии в фольклорных и мифологических мотивах; отражение южнославянских представлений о мироздании и времени в народном изобразительном искусстве; религиозные мотивы в народном искусстве балканского ареала, формы выражения их в изобразительном и танцевальном искусстве; отражение фольклорных мотивов псалмов Давида в танцах, изображенных на фресках древних македонских церквей; взаимопроникновение языческой и христианской символики в разных фольклорных жанрах; реконструкция архаического знакового содержания символики; ритуальная сущность, иконография и стилистика росписей предметов народного искусства как проявление балкано-черноморской общности; балканские орнаментальные мотивы и их украинские вариации; представления о магических свойствах камней и их воздействие на способы обработки и употребления в повседневной жизни у македонцев. Как обычно, заметное место занимали доклады, посвященные результатам изучения конкретных предметов и явлений народного искусства (главным образом македонского).

Содержательно и интересно проходила работа секции этномузыкологии. Она открылась докладом председательствующего И. М а н о л о в а (София) «Музыкальное сопровождение новогодних обрядовых игр Юго-Восточной Македонии». Проблематика последующих докладов: «Религия и музыкальный фольклор», «Рудименты верований в обрядовых песнях Македонии», «Музыка в македонских новогодних обрядовых играх» – в известной мере определила общую направленность рассмотрения поставленных вопросов на конкретном, достаточно разнообразном материале. Из докладов такого рода следует выделить следующие: «Мифологические персонажи в музыкальном фольклоре балканских славян», «Значимость мифологических символов в структуре многоголосной хоровой песенности», «Роль мифологических представлений в обрядовых танцах», «Формы выражения архаических верований в сверхъестественные свойства змей в танцевальном фольклоре», «Весенние девичьи хороводные игры южных славян как источник реконструкции архаических верований», «Приглашение умерших в галичской свадьбе как звучная реминисценция культа мертвых», «Верования и обычаи в жатвенных песнях», «Развитие народной песенности с точки зрения появления рефрена».

Что касается дискуссии, следует заметить, что отсутствие тезисов докладов (представленных в оргкомитет вместе с заявкой на участие в симпозиуме), как и Трудов предыдущего симпозиума, не могло не сказаться на широте и содержательности обсуждения, в процессе которого, собственно, и выясняются основные достижения в изучении проблематики, предложенной вниманию научного собрания. Из дискуссионных вопросов, поднимавшихся на симпозиуме, следует выделить полемику о соотношении понятий нравственности и морали, существования или отсутствия их в дохристианскую эпоху. В результате обмена мнениями большинство участников симпозиума высказали согласие со следующим положением: с христианством утверждаются нравственные устои, как и само понятие нравственности. Хотя уже в древних цивилизациях – в Древнем Египте, Древней Греции и Риме – моральные нормы были довольно высокими, само понятие личной нравственности приходит с христианством.

Основным успехом симпозиума представляется весьма своевременно поставленная актуальная проблема – всестороннее рассмотрение религиозной основы фольклорной традиции в изложении исследователей, освобожденных от влияния официальной идеологии атеизма и крена в язычество. И если о «теоретической слабости атеизма и ущербности исторического материализма»² прямо не говорилось, результаты симпозиума убедительно подтверждают положение о том, что воздействие христианского религиозно-нравственного начала проявляется в фольклорной традиции в многообразных, разносторонних и разностадийных формах. Для понимания сущности соотношения церковных установлений с языческими элементами в традиционном ритуальном комплексе существенно преодоление смещения акцентов на идеализацию язычества, романтическую поэтизацию его ритуалов. В дошедших до нас сведениях фигурируют, как правило, переосмысленные под воздействием христианской морали облагороженные, преобразованные в знаковые и символические разновидности формы; вместе с тем древнейшие мифологические мотивы и ритуалы, воспринятые христианством, претерпели известную трансформацию³. При тенденциозном освещении слияния языческих культов с христианской обрядностью христианская основа традиционного ритуального комплекса зачастую отодвигалась на второй план, из виду упускалось то, что вкрапления языческих верований и культов проявляются в рудиментарном, трансформированном виде. Накануне принятия христианства общественное сознание приблизилось к монотеизму, к отходу от наиболее варварских форм ритуальных действий: восприятие культурных явлений обусловлено подготовленностью почвы к заимствованиям более высоких норм.

Как всякий международный съезд, симпозиум обогатил участвовавших в его работе сведениями о результатах новых исследований, а также личными контактами с авторитетными специалистами.

Примечания

¹ Саздов Т. Народните преданија за Климент и Наум Охридски, продолжувачи на делото на Солунските Брата. Кирило-Методијевскиот период и кирило-методијевската традиција во Македонија. Скопје, 1988. С. 127.

² Вагнер Г. Об истолкованиј на картини И.Н. Крамского «Христос в пустыне» // Вопр. искусствознания. 1995. № 1–2. С. 124–125.

³ Ср.: Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1995, и др.

Н.Н. ВЕЛЕЦКАЯ